Оскар

КООП-ФАН

ЗАВТРА В БЕРЛИНЕ

КОЛЛЕКЦИЯ БЕГБЕДЕРА

18+

Коллекция Бегбедера

Оскар Кооп-Фан

Завтра в Берлине

ИД «Городец»
2016

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Кооп-Фан О.

Завтра в Берлине / О. Кооп-Фан — ИД «Городец», 2016 — (Коллекция Бегбедера)

ISBN 978-5-907358-33-1

Берлин. Ночные клубы с круглосуточными веществами, выпивкой, танцами под техно-музыку и сексом в грязных туалетах. Никаких пауз. Никаких стопов. Трое молодых людей с разной жизнью, разным детством, проведенным в разных странах, случайно встречаются именно в этой точке, объединенные смутной душевной тоской. Город приоткрывает им двери в мир, существующий вне времени и пространства. Мир, способный спрятать их от прошлого, голоса которого каждый из них старательно заглушает. Но в Берлине жизнь молодых людей движется круто вниз по спирали, рискуя затянуть их в мрачную бездну, и «в какой-то миг становится так мерзко, что хочется все остановить». «Завтра в Берлине» – это смелая ода молодости и желаниям, служащая ярким напоминанием о том, что побег – всего лишь иллюзия.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-907358-33-1

© Кооп-Фан О., 2016
© ИД «Городец», 2016

Содержание

Часть первая 6
I 6
II 11
III 13
IV 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Оскар Кооп-Фан
Завтра в Берлине
Роман

Oscar Coop-Phane
Demain Berlin

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института при Посольстве Франции в России

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien de l'Institut français près l'Ambassade de France en Russie

© Éditions Finitude – Bordeaux, 2016
© A book selected by Frédéric Beigbeder, 2020
© Т. Петухов, перевод на русский язык, 2021
© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2021

Часть первая
Отдалить неприятности

I

Роста Тобиас небольшого. Волосы темные. Голос – как у истерички или маленького мальчика, будто он так и застрял в детстве. Он может быть необычайно спокоен, но чаще суетится, отмахиваясь от мрачных мыслей, как зверь от мотыльков.

Без костылей он бы не прожил. Пусть это вредно, пусть медленно разрушает его, но все лучше, чем сразу утопиться в водах Шпрее или удавиться на ремне.

Не то чтобы ему не хватало мужества жить – скорее, потерпев в этом деле поражение, он понял, что это не его. Наркотики его спасают, как убивают других. Медленное разрушение из инстинкта самосохранения. Они не дают перейти к действию, обрушить себе на голову грубый и решительный удар.

Детство Тобиаса отличалось трагизмом рубрики происшествий. Его искалечил дядя – годы мучений, в которые никто не хотел верить.

Каждый раз, как он ехал в Кёльн, все повторялось: он знал, что дядя снова сожмет его в своих сильных объятиях, из которых он выйдет с еще чуть большим надломом внутри. Но он не говорил об этом – первый раз ему не поверили; теперь оставалось молчать и крепче сжимать челюсти. Всего неделя в его руках; и он вернется назад к отцу; заботиться о нем, конечно, не будут, но и трогать тоже. Он снова пойдет в школу и больше не увидит дядю – до следующих каникул. Несколько месяцев покоя.

Тобиас никогда не любил каникулы.

Непонятно было, что делать с этим ребенком, который в семь лет уже пытался покончить с собой: утопиться в раковине. Его отправили к матери, в Нью-Йорк – подальше от отчей Германии.

Дядя умер ровно тогда, когда Тобиаса наконец увезли от него подальше и он дорос до того, чтобы давать отпор. Превратности судьбы.

В Штатах мать была очень любящей: как только может любить мать задним числом. Но жребий был брошен, детство оставило свой след. Она не знала, как подступиться к сыну, который медленно становится взрослым. Не знала, куда приложить свою нежность. Она чувствовала, что внутри Тобиас уже сломлен, хотя и не признавалась себе в этом. И каждый день, отправляясь на работу в аэропорт, она оставляла на кухонном столе пару купюр и хороший обед, аккуратно завернутый в фольгу: только разогреть. Она не знала, что еще сделать. Время от времени она водила его в кино.

Тобиас разговаривал мало, как будто не чувствовал надобности.

Каждый день нужно было встать, пойти в школу, что-то сказать на английском, аккуратно выбросить мамин обед в контейнер у дома – так, чтобы она его не нашла – и купить на углу хот-дог или кусок пиццы на деньги с кухонного стола.

Он гулял по улицам, потом шел домой. Ждал мать.

Короткий разговор про день, снова еда – и сон, единственная награда.

Он все делал мимоходом, как бы отбывая повинность существовать.

Тобиас был одинок, но главное – ему было скучно.

Он мог бы выбрать книги или музыку. Но выбрал вещества. Может, оттого, что ему предложили, может, потому, что это было ближе к его потребностям. Считается, что это рискованно – будешь жить в стороне от всех, будто в невиданной прежде части света.

Ему открылись неизвестные прежде ощущения: скука отступала, приятное тепло обволакивало его со всей нежностью. Он встретил людей, чем-то похожих на него, хотя в чем-то и других. Его полюбили – новичка, совсем молоденького, моложе всех, довольно забавного и всегда готового услужить.

Ведь прежде всего Тобиас старается доставить вам удовольствие. И дозой, и жратвой, и подарком, и письмом.

Наркотик для него – не одинокое дело, а то, что нужно разделить с ближним, как любовь. Достичь наслаждения вместе, вдали от остальных. Больше, чем наркотики, Тобиас любит наркоманов. В их круг он и бежит. Здесь свои привычки, свой распорядок дня, свой мещанский быт – дома, перед зеркалом. Шторы задернуты, мы среди своих, мы все домоседы. Старые девы кайфа собрались поболтать; лица всегда одни – здесь только те, кто нашей веры. Трезвенников нужно бежать как чумы.

Он вошел в их круг и больше не вышел, где бы ни бросал якорь. Всюду та же община, закрытый мир тех, кто думает, что живет ярче.

В двадцать лет он поехал к сестре в Париж. Они почти никогда не жили вместе. Когда Тобиаса отправили в Штаты, сестра, старше его на три года, была сослана во Францию, к деду. Когда уже не знают, что делать, пилят семью.

Хоть они и не виделись с тех пор, какая-то сила скрепляла их: может, кровь, может, детские воспоминания, кто знает. Он ехал не столько к ней, сколько от веществ. Она ничего не знала и приняла его без единого слова, как брата.

Опять знакомство с новым языком и новыми улицами. Отрыв от корней – так прошло все становление Тобиаса. Американцем он ощущал себя больше, чем немцем. Может, скоро и Франция станет своей.

Они жили в небольшой квартире на улице Кампань-Премьер. Тобиас спал на диване – он редко изменял этой привычке. Каждый день сестра шла на работу. Что за работа, Тобиас толком не понимал; по телефону она говорила о встречах с клиентами и защите каких-то интересов. Только вечером он ждал ее, как прежде все эти годы ждал мать.

У сестры Тобиас вел спокойную жизнь. Днем он исследовал новый город. Учил французский, бродил по улицам. Потом, не зная, чем еще заняться, готовил ужин. По выходным они ходили в кино.

Тобиас думал о наркотиках. В трезвой жизни было что-то тусклое. Об этом он не заговаривал. Сестра чуяла в нем какой-то надлом, но потом перестала об этом думать – из-за того, что случилось.

Она встретила Стефана. Они работали вместе – классический роман у кофемашины. Вскоре рядом с влюбленной парой Тобиасу стало трудно чувствовать себя братом. Прогулки втроем надоели быстро, как и депрессивный младший братец на диване, этот милый мальчик, который, если не считать готовку ужина, похоже, не предпринимал ничего, чтобы заполнить пустоту влачимого им существования.

Тобиас раздражал Стефана своей вялостью. Он уже мужчина, черт возьми, ему надо работать, найти себе квартиру. Нельзя всю жизнь проспать на сестрином диване, нельзя всю жизнь варить супы, словно бабулька на иждивении. Давай, старик, соберись! С жизнью нужно драться, лезть вверх по лестнице. У камина отдыхают после, а сперва – марафон. Вспотел, отдышался – и дальше потеть! Париж ты теперь знаешь, знаешь, что да как. Найди себе место. Разомни мышцы. А не то тебя сожрут. Кто не барахтается, того сжирают. Отличная добыча – лежит на диване и в ус не дует. У меня есть знакомые, место мы найдем. Но если ты сам

не захочешь, я бессилен. Это война, сынок. Скачи во весь опор, а не то подстрелят. Берегись ловушек, прыгай в окоп – и ползком. Еще не поздно взяться за ум. Я все это потому говорю, что люблю тебя. И люблю твою сестру. И, понимаешь, когда ты торчишь между нами, это нас разделяет. А я этого не хочу. Тебе пора заняться своей жизнью. Ты уже мужчина, пора вставать на ноги. И бежать. Вспотел – отдышался, вспотел – отдышался.

Ну, пойдем, попробуем, что ты там сегодня наварил. Ты славный парень. Я тебя люблю, ты знаешь. И люблю твою сестру.

Стефан и отвращал, и притягивал Тобиаса. Он выглядел таким сильным, будто с кожи его соскальзывали любые заботы. Да, жизненные беды были над ним не властны. Он стоял на ногах крепко, гордо, по-молодецки, как бритоголовый солдат. Тобиас же был белобилетчик по призванию, с экзистенциальной хромотой. Без костылей идти своей дорогой он не мог.

Но поскольку победа всегда за солдатами, Тобиасу пришлось подняться с дивана. Он нашел небольшую мансарду на улице Эколь, а заодно и работу – в кафе на бульваре Сен-Мишель.

Поначалу коллеги не обращали на него внимания. Какой-то неженка, на педика похож. То есть он им и был, но признаться не мог.

Он не знал, о чем говорить с ними. То были парни вроде Стефана. Боевые, закаленные жизнью, гордящиеся своим костюмом и местом. Они болтали о красотках, с которыми мутили, и Тобиас чувствовал, что он один. Он работал и подыхал со скуки. Маленькую бутылку «Виши» и два кофе; счет восьмому столику; один кофе со сливками и два горячих шоколада; счет восьмому столику, счет восьмому столику.

Каждый день он надевал черный жилет с кучей карманов для мелочи, носил алюминиевый поднос, открывал мятный ликер и молочные коктейли. Получал он неплохо, почасовую и чаевые, в тот же день и наличными, пожалуйста. Все схватывал быстро, работал всерьез. Потихоньку коллеги полюбили его, хотя он никогда и не ходил с ними выпить после смены.

Но один раз все же пошел. Смена выдалась мерзкая. Все поголовно решили нахлестаться капучино со своими цыпочками. Все эти люди, которые будто никогда не работают.

После смены они вместе пошли в другое заведение на улице д'Асса. Там хозяин не брал платы и был шанс подцепить цыпочку. А еще там наливали «Пикон» с пивом и был кокаин. Так Тобиас снова сунул соломинку в нос – вдали от нью-йоркских приятелей, в кругу коллег, но точно так же ради чувства, что живешь, – чтобы не думать ни о чем и ощущать себя сильным, как Стефан.

В тот вечер они знатно повеселились на улице д'Асса.

Он сорвался немного, но это его не беспокоило. Наконец-то у него нашлось что-то общее с коллегами, с Морисом, Поло и Жеже. Он чувствовал, что он свой, и, боже, как это было прекрасно! Жизнь его потекла между мансардой на улице Эколь и бистро на бульваре Сен-Мишель, а ритм задавали дозы.

На улице Эколь, в третьем подъезде многоэтажки, на верхнем этаже, где одни мансарды и нищета, на площадке, где срут все кому не лень, у Тобиаса завязалась дружба с соседом.

Жером, судя по всему, не работал. Вставал поздно, слушал музыку. Тобиас отлично слышал ее через стену в те дни, когда не было смены. Этот парень жил совсем иначе: чувствовалось, что и времени, и удовольствий у него вдоволь.

Может, из-за тонкости разделявшей их стены Жером с Тобиасом и сдружились. Они заходили друг к другу на стаканчик. Впервые в жизни Тобиас говорил открыто – и впервые его слушали.

Как-то вечером, за граппой, Тобиас задумал угостить Жерома кокаином. Он решился не сразу и зашел так: «Если хочешь, у меня тут есть кое-что для бодрости, мы на работе прини-

маем». Жером смеялся от души. «Знал бы я, что ты в теме… Ну давай, одну дорожку, потом мой черед угощать». Да, он посмеялся от души, ведь он зарабатывал на кокаине.

Весь вечер они нюхали, немного плясали под граммофон Жерома и говорили торопливо, будто спешили вывалить все мысли, торпедами носящиеся в голове.

Вечера под граппу стали вечерами под кокс, а в остальном они сидели как прежде, то у Тобиаса, то у Жерома, и болтали.

По сравнению с тем, что у Жерома, у Поло и Мориса снег был просто дрянь. Однажды на работе Тобиас дал им попробовать. Без вопросов, хорош. Зубов не чувствуешь, в голове полно идей, и жизнь уже не в тягость.

Тобиас и Жером заключили союз. Одно только бистро на бульваре давало солидный навар.

Для Жерома все это было временно. Он хотел уехать из своей мансарды – в Монтевидео, к единственной девушке, которую любил. Он говорил об этом постоянно. Эх, еще немного – и конец такой жизни; только солнце, Луиза, свое скромное дело на двоих, и вкус свободы, от которого перехватывает горло. Но нужно скопить денег на самолет и на первое время там: не являться же с пустыми карманами.

Луизу он видел всего неделю, пока она не вернулась на родину. Но с первого мига понял, что вот она – его будущая жена.

У Тобиаса Луизы не было, но такой приработок ему нравился – может, однажды он переедет.

Все было просто. Жером занимался снабжением – у него были связи – и постоянными клиентами, с которыми давно имел дело. Тобиас распространял товар в кафе на бульваре, но только среди коллег и надежных завсегдатаев: главное – не попадаться.

Вдвоем они, как ни в чем не бывало, охватили немалую клиентуру. Затраты отбивались быстро. Работа не досаждала: несколько рукопожатий – и сколько хочешь порошка, словно из бездонной бочки. Тобиас стал меньше работать в кафе на бульваре. Иногда виделся с сестрой. Она собиралась замуж за Стефана. Они хотели детей.

Затем, поскольку Луизы у Томаса не было, Жером решил ему ее найти. А то сколько можно – все один да один.

Тобиасу было непросто сказать Жерому, что ему нравятся парни, что нужна не Луиза, а Луи. Но Жером тут проблемы не видел. Ему, например, нравились и те, и другие: и девушки, и парни.

Итак, он повел Тобиаса по гей-барам. Новый мир распахнулся перед ним – мир простого и грубого секса; торч, влажные тела, чужие руки, которые хватают и трогают его, запросто и повсюду; твердые члены и крепкие мышцы.

Они и там продавали немного кокаина, но главное – трахались, сколько хватало сил. Брали чужие зады и чужие члены, пока от них не начнет тошнить.

Тобиас ощутил покой. Как только его одолевала скука, он бежал в эти бары; его узнавали, он стал здесь своим. Атмосфера скрытности, чувство, что ты на своем месте, но главное – ярость, которую он выплескивал среди этих голых тел, которым не терпится доставить ему удовольствие – да, эта атмосфера, это чувство и эта ярость наделяли его своего рода мудростью, мудростью спокойного человека. В этих пропахших, пропитанных потом, грубой силой и грубой любовью барах Тобиас узнал, что наслаждение могут давать и другие люди, что не только порошку дано заставить его душу трепетать. Чужие тела тоже могут дарить удовольствия.

Жизнь начинала ему нравиться. У него было странное чувство, как бывает порой после путешествия: ты знаешь, что изменился, и хочешь все рассказать, но не находишь слов – никто не поймет. Он чувствовал, будто живет ради чего-то. И неважно, что это порошок и чужие

зады: он нашел свое место, свое удобное кресло. Он чувствовал, что находится здесь по праву. Да, ему нужно сесть именно на эту подушку – и никто его не осудит. Фантастическое чувство – знать, что нашел собственное место. Вот оно, можно потрогать пальцами – да что там, всей ладонью, ведь оно – наше!

Дни пролетали быстро – в барах для оргий, в кафе на бульваре, в мансарде. Он сжимал члены, носил подносы, готовил пакетики с кокаином. Ему нравилось сидеть один на один с электронными весами. Добрая горка слева, нож, кусочки пленки. Насыпаешь грамм – всегда чуть меньше – это бизнес. Запаиваешь зажигалкой. И получившийся шарик уже воплощает собой деньги. Подсчитываешь спокойно: ты у себя, бояться нечего. Целая куча маленьких шариков, только сунуть в карман и продать. Это основа основ.

Эх, как же здорово платить за жилье, не заботясь, хватит ли, пить то, что хочется, там, где хочется, и не копаться в мелочи перед сигаретным ларьком.

Скоро в кафе он стал работать только два дня в неделю. В пятницу и субботу, когда спрос на их шарики больше всего. После смены он заходил с Морисом, Поло и Жеже на улицу д'Асса. Нюхал с ними немного, да и потом, там тоже были клиенты, а значит, снова какие-то деньги; как Моллой с камушками, он клал их в левый карман, доставал шарик из правого – вечный цикл. Ему казалось, что он доставляет им удовольствие; продает им немного счастья. Сам-то он ведь берет этого счастья сколько хочет! И теперь делится им, этой искусственной бодростью, пробуждающей душу. Ох, как хотел бы он всегда быть таким и чтобы не надо было совать в нос соломинку.

Одним субботним вечером в каком-то баре для оргий он встретил Виктора. Они трахались исступленно. Однако в этот раз голод его был утолен. После Виктора ему не хотелось других задов, других членов. Он словно заполнился им. И этого было довольно. Их тела дополняли друг друга, будто могли общаться, и легкость переливалась через край.

Виктору было тридцать пять, лет на десять старше Тобиаса. Каждый назвал свое имя. Телефона у Тобиаса не было; он записал номер Виктора.

Они расстались перед баром, где и встретились, – поцеловались робко, будто хотели воссоздать смущение первой встречи, словно они и не трахались так грубо в этом провонявшем, пропитанном телами подвале.

– Позвонишь?

– Да. Только подожди немного.

Светало. Было свежо, но приятно. Тобиас курил. Он шагал медленно – витал. Если бы кто-то повнимательней присмотрелся к его лицу, пока он шел домой в ту особую ночь, то заметил бы, как легкая улыбка проступила на его губах. Не улыбка пьяницы, нет: скорее, отблеск близкого счастья. Того, которое уже чувствуешь, вот оно, почти осязаемое: счастье очарованных.

Улыбка сладкой тоски. Он ощущал, как она пробивается на щеках, видел, словно со стороны, свой одинокий силуэт на улицах, и ему уже как будто не хватало Виктора.

Когда Тобиас подошел к дому на улице Эколь, было почти семь утра. Та тихая улыбка не покидала его всю дорогу. Но он рухнул с небес на землю, увидев у подъезда, как Жерома в наручниках ведут в полицейский фургон.

Они встретились взглядами. Жером дал понять, что надо уходить. Если его тоже возьмут, лучше не будет. Попадутся оба, а дальше что?

Тобиас послушался. Он в последний раз прошелся перед своим домом и продолжил идти. Просто идти дальше.

II

Арман – милый парень. Любят его или нет, но думают про него обычно так: милый неудачник с растрепанными волосами, в слишком коротких джинсах. Он таскается по барам, ловя взгляды красоток. Арман говорит, что хочет стать художником, и немного работает над этим по утрам. Ищет на улицах фанерки, дорожные знаки. Ему нравится ходить с пятнами краски на руках и на коленях, как бы в доказательство своих трудов. Еще ему нравится мысль, что он работает с материей: одной ногой в реальности, другой – в мире творчества. Он любит именно физический процесс нанесения краски; не будь этого в живописи, он, наверное, пошел бы в писатели.

Он играет на ритм-боксе. Ест мало. Зато курит много. Редко когда увидишь Армана без чинарика на губе. Эта потухшая, пожеванная сигарета в углу рта совсем не вяжется с его общим видом. Арман молод; довольно красив. У него четыре мопеда, а когда-нибудь он купит мотоцикл. Вот тогда, наконец, он станет свободен, будет гнать по пустыне, сам черт не брат, с набитым на плече американским флагом.

В шестнадцать он ушел от матери, чтобы жить с девушкой, которую любил – по его словам – больше жизни. Он правда в это верил.

Она писала ему имейлы, не называя себя. А он видел ее во дворе школы и надеялся, что это та, кто ему пишет.

Письма были занятными, и каждый вечер надо было отвечать на них, придумывать что-то новое. Боже, эта девушка не похожа на других; без вопросов, она – та самая, что ему и нужна. Он боялся. Была еще та высокая блондинка – он смотрел на нее, пока она курила свой утренний «Данхилл» перед школой.

Эх, если бы только оказалось, что письма ему пишет та самая блондинка! Но нет, невозможно, это было бы слишком прекрасно, а жизнь не очень-то прекрасна: вечно спотыкаешься и шлепаешься задом на линолеум.

В письмах они условились встретиться. Он знал, что она из его школы, что на год старше, но этих девчонок из выпускного класса так много!

Решено – они увидятся на той душной вечеринке, которую ученический совет проводит в клубе на площади Мадлен. Арман должен был ставить там винилы и немного играть на ритм-боксе. Она заговорит с ним – она-то знает, кто он такой.

На вечеринку Арман пришел слегка пьяный. Она была здесь, та высокая блондинка – вот, с телефоном, у дверей. Но нет, не может быть, чтобы она – девчонок в выпускном десятки. Ладно, там увидим.

Арман вошел в клуб. Он гордился своей толстой сумкой с пластинками. На ней он и сосредоточился, чтобы отвлечься от страха перед встречей с той девушкой.

Поздоровался с теми, кого знал, и поднялся в будку, где ставят музыку Пройдя по винтовой лестнице, он оказался в нависшей над танцполом высокой тесной кабинке с двумя проигрывателями. Оттуда Арман видел макушки всех приятелей – сейчас он включит ритм-бокс, сейчас все они затанцуют.

Он поставил любимые пластинки. Похоже, зашло: со своей вышки он видел, как руки и головы задвигались, точно заведенные. По винтовой лестнице поднялись две девушки и подкинули ему записку; их лиц он не видел.

«Мой первый слог и женский, и мужской. Вторая часть – сын древнего народа. А мой конец первее всех. Вся же я – внизу на моем лице».

Он с волнением прочел записку. Наконец он видел ее почерк, настоящие, ее рукой выведенные буквы, а не бездушные символы на экране. Он не сразу разгадал шараду – что такого может быть у нее на лице?

Ну да, конечно, родинка! Род. Инк. А.

Есть у той блондинки родинка на подбородке? Он не знал, он видел ее только издали. Надо кончать думать о той блондинке с «Данхиллом». Если это не она, он все равно согласится, ему нужна девчонка.

Покончив с пластинками, он спустился на танцпол. С ним заговаривали, кто-то даже хвалил подборку. Он не слушал – он курил и искал родинку.

Наконец она подошла к нему – прекрасная блондинка. Они обменялись рукопожатием. И договорились завтра сходить выпить кофе. Потом она ушла, не оборачиваясь.

В тот вечер Арман заснул счастливым. Это была она, и завтра они пойдут пить кофе.

В кафе они говорили про Мэтью Барни и анархизм. Арман смог без запинки выговорить «антропоморфический». И был горд собой. Позже Эмма призналась, что была впечатлена.

Они много курили, он – «Кравен», она – «Данхилл», и выпили по три чашки кофе. Им было немного неловко, но разговор спорился; им будто не терпелось высказать друг другу все.

С месяц они продолжали видеться так, в кафе, никак не сближаясь в любовном плане. Но было решено, что это случится, что им нужно будет поцеловаться.

Арман боялся. Эмма считала, что не ей делать первый шаг. Что же случится потом, когда они готовы будут любить друг друга? Мысль стать парой пугала Армана, и в то же время он жаждал этого.

Однажды они, как и всегда, расстались в переходе метро на Монпарнасе: ей нужно было на девятую линию, домой, на Ля-Мюэт[1] (простительный недостаток: «Слушай, ну разве я похожа на девчонку с Ля-Мюэт?» – все-таки она живет там одна, в маленькой квартире этажом выше своей бабушки), – а ему на двенадцатую, в мамину трешку на улице Конвента. В который раз, не целуясь, они разошлись по коридорам переходов, навстречу тусклой жизни, где они не вместе.

Арман проголодался. На перроне двенадцатой линии он решил купить мармеладок в автомате. Палец соскользнул, и вместо них упали кексы. Арман не хотел признавать поражения. Он всунул еще монету и нажал на нужную кнопку. Тут как раз подошел поезд. Ничего, поедет на следующем, а сейчас он хочет мармеладок.

Он оперся на те высокие скамейки, на которых бездомным не поспать. И стал ждать поезд, поедая мармелад. На платформе, прямо перед ним, возникла Эмма – вид у нее был взволнованный. Не дав ему опомниться, она поцеловала его. Первый поцелуй со вкусом желатина.

[1] Престижный район Парижа. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика*.)

III

Франца зовут как отца. Франц Риплер. Один в один. Не лучшая примета. Отец умер молодым, едва успев жениться: несчастный случай на охоте. Вот вылетает пуля. Ты стоишь прямо, потом падаешь. Твой сын, которого носит жена, еще не родился. Ты чувствуешь, как умираешь, стоя на коленях, с растерзанными внутренностями, на ковре из бурых листьев, в чудесных баварских лесах. Твой сын будет жить, но ты этого не увидишь – тебя не будет, и ему дадут твое имя, чтобы он знал, что ты очень любил бы его, если бы пуля все-таки пролетела мимо.

Мать скорбит. Она растит Франца как единственное, что у нее осталось. Взгляните, как похож он на отца. Та же улыбка, тот же взгляд. Недаром его зовут Франц Риплер. И хмурится – точь-в-точь.

Маленький Франц так и рос: живая фотография, глянцевая карточка, которую печальная мать лелеяла как ходячий образ того, что своровала у нее судьба.

Вдвоем они уехали из Баварии, ведь там больше нечего было делать, ведь отцу уже не работать на лесопильне. Мать с сыном в одиночку устроили свою жизнь. Дина, мать, нанялась горничной в дом к промышленникам из Любека. Франц, ее сын, переехал с ней. Ему было четыре. Долгий путь, и вот, по морозу и серости, они подъехали к большому богатому особняку семейства Кинзель, фабрикантов-пробок-для-винных-бутылок.

Это было нечто: огромный каменный дом, бескрайний парк, пруд, угодья. Да, Франц будет расти здесь. Это влиятельная, прекрасная семья. Дети бегали по саду. Скоро Франц войдет в их круг, будет дергать за хвостики Катерину и драться с Георгом – как брат, ведь расти они будут вместе.

Мать его занималась самой неблагодарной, унизительной работой: подтирала за другими грязь. Отгладить рубашки Господину, расчесать парики Госпоже, убрать дерьмо за Господином, выбросить тампоны за Госпожой. Отбиваться от приставаний садовника, ходить за покупками, но что за беда, если Франц растет в их кругу, перенимает их манеры, дергает за косы Катерину и борется с Георгом, как брат.

И вот Францу пятнадцать. Он влюбляется в Катерину. Кожа у нее такая нежная, а волосы такие длинные.

Нужно было таиться – братьям с сестрами нельзя любить друг друга; а любить сына горничной нельзя тем более.

Это было блаженство. Ночами Франц приходил к Катерине в постель. Их ласки были просты, как и бывает у юных любовников. Им виделось, что они проживают нечто неповторимое, чего другим знать не дано. Милое заблуждение всех юных влюбленных: ведь они живут не так, как все, живут ради того, чего другим – в их представлениях – никогда не ощутить.

Франц приходил к Катерине в полночь. Он ложился к ней в постель, а потом, к пяти утра, пока весь дом еще спит, возвращался к себе наверх и ждал следующего дня.

Дни он просиживал в своей комнате, чтобы не видеть Катерину, чтобы его нежность к ней на глазах у всех не выдала их любви.

Нужно было себя занять. Он брал книги из библиотеки Господина. По крайней мере, в обществе их блеклых страниц и строгих переплетов он мог быть собой.

Господин не мог нарадоваться его аскезе. Глядишь, сын горничной кем-нибудь да станет; ему нравилось так думать, ведь он хотел быть человеком прогрессивных взглядов.

Дина заболела. Бронхит, трагические осложнения, слизь в легких. Прикованная к постели, она смотрела из своей комнатушки на небо, как на потолок, куда ей предстояло подняться.

Смерть Дины. Нет больше матери с сыном. Только Франц, с которым семья Кинзель не знала, что и делать.

Господин с Госпожой совещались. Катерина молилась в тревоге. Франц должен остаться, должен снова спать в ее объятиях. Он мог бы заменить садовника. Будет жить в маленькой хижине, а она станет прибегать к нему по ночам, как раньше.

Она поговорила об этом с отцом. Нет, у нас уже есть Жюль, я не хочу его увольнять. Но ты же сам знаешь, Жюль ни на что не годен. Да, дочка, знаю. Но знаю, что и Франц себе на уме. Мальчик все дни проводит за книгами. Может, он станет поэтом, как знать. Его мать была хорошей женщиной, хорошо служила нам, я должен сделать для ее сына все, что в моих силах. Я отправлю его учиться. И все оплачу. Этот мальчик далеко пойдет, и мы, как сможем, поможем ему в этом. Почему ты плачешь, доченька? Ты, кажется, ценила этого мальчика, вы же росли вместе. Я хочу дать ему самое лучшее. Почему же ты плачешь?

В Ганновере есть пансион, который все называют Институтом. Там мальчиков учат философии, литературе, географии, математике и истории – мальчиков из хороших семей. Шесть часов занятий в день, спорт и форма в британском духе. Францу здесь нравилось. Он писал Катерине длинные письма – из тех, которые хранят, убрав стопочкой в красивую шкатулку. Их никогда не перечитают, но они будут всегда переезжать с нами, их нельзя выбросить, ведь они – свидетели того, кем мы были.

В выходные остальные парни разъезжались по домам. Он оставался: семьи у него больше не было. Так что он сидел в своей тесной келье. Он учился, а еще писал стихи: трогательные, добротно сложенные строфы о временах года, природе и смерти. Что до любви, ее он берег для Катерины. Кожа у нее такая нежная, волосы такие длинные.

У него появились приятели. Жожо-Легенда, Гюнтер и Барнаби. Они курили тайком, за обсерваторией. Но дальше этого не заходило: так, мелкие мимолетные шалости, всегда в рамках разумного. Через считаные месяцы вручат дипломы; лучше ни на чем не попадаться. Да и что скажет Господин, если узнает, что его вложения пошли на перекуры за обсерваторией с Жожо-Легендой?

Франц занимался усердно. А еще учился хорошим манерам. Он горячо увлекся Аристотелем. Его репродукция с обильной бородой висела у Франца над кроватью. Сочинения Франца были путаными и беспорядочными, но в них читалось столько искреннего вдохновения, что оценки они получали весьма приятные. Конечно, написано довольно дилетантски, но в этом дилетантизме сверкает талант, к радости педагогов, которые видели – а это, увы, такая редкость! – как увлечен ученик их предметом.

Огласили итоговые результаты. Франц оказался вторым. Ему было теперь семнадцать. Впереди – уже не Институт, а взрослая жизнь, в одиночку, с дипломом в кармане.

В Любек он вернулся автостопом. Беспросветные промышленные трассы, с заводами и электростанциями по бокам. Этот деятельный пейзаж задал ему рабочий настрой. Он станет таким же, как они; построит что-то свое. Как-никак, он кончил Ганноверский институт, да еще вторым в своем выпуске!

Он постучал в двери Кинзелей вот так, запросто, без предупреждения, потому что он вырос в этом доме, потому что там была Катерина, потому что она красива, нежна и потому что он любит ее. Конечно, со временем они уже не так часто писали друг другу, но все эти два года

Франц думал о ней не переставая. Теперь они смогут любить в открытую: теперь не стыдно, ведь Франц уже не сын горничной, у него диплом Ганноверского института, он – второй в своем выпуске, и он гордо, точно знамя, нес на горячей груди свою форму.

Дверь открыла серая, суровая старушка.

– Чем могу помочь вам, сударь?

– Я Франц.

– Франц? Мы не ждем никакого Франца. Что вам нужно? Вы насчет свадьбы?

– Свадьбы? Нет, я пришел навестить Господина с Госпожой, Георга и Катерину.

– Пока что войдите, пожалуйста. Я позову Госпожу.

Хозяйка спустилась.

– Франц! Какой ты красавец. А эта форма! Ты теперь настоящий мужчина!

– Вы тоже очаровательно выглядите, Госпожа.

– Ты приехал к Катерине на свадьбу. Как чудесно! Скажу, чтобы тебе приготовили комнату. И костюм тоже. Завтра – торжественный день. Пойдем же, пойдем. Муж будет так рад тебя видеть. Ах, кто бы мог подумать, что ты станешь таким красавцем! Это чудо, Франц, ты теперь настоящий мужчина.

Они говорили с Господином об Институте, о дипломе, об Аристотеле, о карьере впереди. Но где же Катерина? Значит, она выходит замуж? Судя по всему, это так. Как же может быть, что она его больше не любит?

Разговор с Господином тянулся целую вечность. У него были связи в Мюнхене, в Берлине, в Ганновере. Францу надо только выбрать. Ему найдут место. Катерина, где же Катерина? Франц не мог думать ни о чем другом.

И вот он остался один в комнате – не своей. Катерины он так и не видел. Он примерил костюм, который наденет в честь ее любви к другому. Она что, не читала его писем? Боже, он любит ее, он же ей говорил. А все те ночи, которые они провели вместе? Нет, она не могла полюбить другого. Это неправда, она не может любить другого. Он чувствовал, как внутри поднимается что-то вроде растущего чувства несправедливости – оно сдавило живот, потом грудную клетку. Подступило к горлу. Его рвало – будто все тело рыдало. Но легче не становилось. Тоска все скапливалась снова, как желчь. Ни рвота, ни слезы не спасут. Эту боль он будет носить в себе всегда. Ему захотелось вывалить ее на бумагу; он не смог. Скоро будет ужин; он увидит Катерину.

Муж соответствовал ожиданиям. Маленький, глуповатый. Ни блеска в глазах, ни тонкости в лице. Вот таких вот и любят, подумал Франц. Любезных, неглубоких, с положением и всеми удобствами. На этом поле он играть не мог – он сын горничной, пусть и второй в Ганноверском институте.

Потом вошла Катерина. Что-то изменилось в ее взгляде. Вид у нее был милый, волосы так же блестели, но той особенной прелести больше не было. Катерина любила простачка-коротышку; она уже не та, кем была, и из лица ее исчезло благородство. Она нашла себе место: в постели обычного мещанина. И Франц уже ни за что не хотел себе такой участи; он остался один.

За ужином говорили о финансовом кризисе и защите своих интересов. Как меняется мир и все такое: цены на недвижимость, нефтяные рынки. Вариант крестьянских бесед о погоде для промышленников.

Катерина ловила взгляд Франца, как будто прося прощения. Но не находила его: он уже вышел.

IV

Какое-то время Тобиас шел в оцепенении от только что увиденного. Светало. Нужно было где-то спать. Точно не у сестры: только представить лицо Стефана, заявись он к ним! Оставался Виктор. В конце концов, его вполне можно об этом попросить.

Тобиас озяб; он все шагал. Нужно было найти автомат и надеяться, что Виктор дома и снимет трубку. На бульваре Сен-Жермен было безлюдно: пара рабочих, щеголеватые бездомные после трудной ночи и Тобиас, снова один, в поисках телефона и ночлега.

Он зашел в какое-то бистро. Его поразил шум кофемашины, шум измельчаемых зерен, взбиваемого молока. За стойкой были сплошь одинокие мужчины, потерявшиеся в этом механическом гуле, – точно рабочие, которые включили станки, но толком не проснулись. Ни разговоров, ни музыки – только бесконечный шум кофемашины для всех, кто проснулся одиноким.

На одном конце стойки хозяин читал газету, а на другом, по эту сторону, мужчины стояли через равные промежутки и пристально смотрели перед собой, в какую-то особую пустоту – пустоту их предрассветного существования. Время от времени кто-то из них клал на стойку монету, пожелание «хорошего дня» прерывало молчание, головы поднимались, и он выходил, будто его никогда здесь и не было. Одни выходят, другие входят – и вечный шум, стальной шум кофемашины.

Хозяин перевел взгляд с газеты на Тобиаса – так, будто ничего от него не ждет.

– У вас есть телефон?

Хозяин посмотрел на дальний угол зала. Действительно, Тобиас увидел там аппарат.

Он вынул несколько монет и развернул бумажку, на которой Виктор написал свой номер. Мужчины у стойки наблюдали за ним. Хозяин читал газету.

– Виктор? Это я… Я так надеялся, что ты возьмешь трубку. Боялся, вдруг не ответишь… Ты нужен мне, Виктор. Где ты живешь? Отлично, я скоро.

Пока Тобиас проезжал станции, отделявшие его от Северного вокзала, он пытался думать о Жероме, но без толку: все, чего ему хотелось, – найти кровать и наконец вырубиться; спать и никогда не просыпаться.

Виктор не задавал вопросов. Они уснули вдвоем, прижавшись друг к другу.

Тобиас жил у Виктора, на улице Дюнкерк. Все у них было на двоих: постель, походы в душ, кастрюли, одежда.

Виктор работал в рекламе, квартира у него была со всеми удобствами. Тобиас не мог вернуться в кафе на бульваре Сен-Мишель: он слишком боялся. Ему казалось, будто вокруг улицы Эколь и всего левого берега Сены клубится что-то смутное. Он не мог приближаться к тем местам. Левый берег – это полиция и тюрьма, общий душ и побои от надзирателей.

И все же вскоре ему пришлось решиться и сходить за тем, что он немного по-детски называл «своим кладом». Да, с ним можно будет продержаться какое-то время, но для этого нужно пойти туда, на улицу Эколь, на лестничную клетку возле двери мадам Жерар.

Он пошел туда однажды ночью – легавым ведь тоже нужно когда-то спать. Все было в порядке, код не сменили, на лестнице так же пахло подвалом и жареным. Клад был на месте, в свертке за газовыми трубами. Тобиас сунул его под куртку и побежал, как будто удирал от всего, что оставалось здесь, в его прежней жизни.

И все же он не раз вспоминал свою мансарду Поло, Мориса и Жеже с бульвара, а особенно – Жерома, в то утро, когда его повязали; бедняга, никогда ему не увидеть Луизу, но он будет все так же писать ей и мечтать о Монтевидео, сидя за решеткой в грязной камере.

Это не Жерома, а его, Тобиаса, должны были взять, у него-то нет Луизы.

Хотя, в общем-то, есть – многое поменялось с тех пор: у него был Виктор и все те дни, когда он ждал его с работы. От любви он был как в тумане, ни о чем не мог больше думать. Вечер наступал как облегчение, он шел встречать Виктора у серой офисной башни, они пили шоколад, сжимали друг друга в крепких мужских объятиях, вдали ото всех, будто ничего на свете им не грозит. Благодаря Виктору Тобиас был спасен, казалось, он принес конец его блужданиям.

Но, конечно, со временем появились и ссоры, часто с суровыми мужскими драками, и порошок тоже – они нюхали вместе, перед сексом или после, будто им не хватало трепета в их единении. Они жили, сцепившись воедино, друг в друге.

Клад подходил к концу. Тобиас устроился в местный бар – в конце концов, другой работы он не знал. Здесь, однако, уже не бульвар Сен-Мишель, здесь никаких костюмов, жилетов и белых рубашек – нет, здесь, как выражался хозяин, «все по-простому». Никаких профессиональных кофейщиков, с ним работали в основном молодые ребята, попавшие сюда странными путями: немного потерянные, немного приходящие в себя. Один – художник, другой мастерит что-то, третий говорит, что пишет. Вот куда приводит желание заниматься творчеством: в якобы модное кафе на севере Парижа, разносить капучино и салаты «Цезарь». Но одно было неизменно: привычка заканчивать смену «Пиконом» с пивом и кокаином. Постоянство торча.

Они болтали о футболе или о цыпочках, с которыми мутили, и втягивали носом пудру, как на бульваре Сен-Мишель – и, должно быть, много где еще. Оковы человечества сделаны из чизбургеров и джина-тоника[2].

Вас используют, изнуряют бранчами и праздничными ужинами, заставляют бегать с пивной кружкой в руке, и вы тупеете, пока не оболванитесь вконец в каком-нибудь модном кафе на севере Парижа, ибо и художник рисует не больше, чем писатель пишет с тех пор, как работает здесь, а Тобиас – отдаляется от Виктора. Ну, зато остается выпивка, и порошок тоже.

Юность ломают чаевыми, сбивают с оси, и вот они встают в три часа дня, смиряясь с такой жизнью. Так отчего же не закидываться, при таком тусклом существовании? Да, это их выбор, но можно ли упрекнуть их за побег от ртутных офисных ламп и талонов на питание?

Единственное утешение – не надо ставить будильник, потому что смена только в шесть вечера: она щелкнет хлыстом, и начнется день – до четырех утра. Бегать, улыбаться, носить меню и корзинки с хлебом. Все на автомате, ты ни о чем не думаешь, но все же почти доволен тем, что ты здесь, в якобы модном кафе на севере Парижа, потому что здесь есть цыпочки, потому что можешь слушать музыку за работой – ту, что орет нам в уши, – и потому что посетители одеты как мы. И в то же время мы – только жалкие букашки у них на побегушках. Простой воды, да поживее. Хозяева и рабы, так устроен мир. Какая уж тут диалектика? Раб прислуживает, хозяин приказывает, и что дальше?

Тобиас больше не ждал Виктора у серого офиса на проспекте Мен. Либо он работал, либо, когда выпадали выходные дни – точнее, как раз такие, когда он никуда не выходил, – он был так рад, что ничего не надо делать в шесть вечера, что забывал про Виктора и его службу рекламщиком. Да, когда ты занят, любить сложнее. Их паре требовались новые привычки, нужно было забыть тот язык, на котором они говорили до сих пор, – будто мир между ними забродил от мелких пошлостей и потихоньку их разделял.

Пока Тобиас работал, Виктор ждал его, один в квартире. Он скучал. Поначалу ему хватало ожидания; он засыпал, оставив Тобиасу место рядом, где впадинка на матрасе. Потом ему

[2] Здесь перефразируется высказывание Франца Кафки «Оковы измученного человечества сделаны из канцелярской бумаги». – *Прим. ред.*

надоело засыпать вот так, ни то ни се. Тогда он вернулся к своим холостяцким привычкам: назад, по своим следам, к одинокому удовольствию, – в бары для оргий.

Он ходил туда только смотреть. Голые тела щеголяли перед ним, отдавались друг другу. Виктор быстро дрочил, потом возвращался домой, думая о Тобиасе. Но недели шли, и он стал задерживаться в барах и, со стаканом в руке, болтать с этими вздутыми от мышц телами.

Желание смыло с глаз образ Тобиаса, как взмах ресниц. Он трогал тех, кто танцевал перед ним, брал их с силой, как раньше, одного за другим, – странная карусель плоти, круг за кругом, до головокружения, до тошноты.

Среди всех этих тел он подхватил «нехорошую заразу». Он почувствовал это. Понял сразу. Но никому не сказал. Он хотел жить, как будто ничего не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.